

УТВЕРЖДАЮ:

Проректор по научной и
международной деятельности
ФГБОУ ВО «Пермский
государственный институт культуры»,
кандидат культурологии, доцент

А. А. Лисенкова

« _____ » июня 2016 г.

ОТЗЫВ

ведущей организации на диссертационную работу Даниловой Ю.Н.
по теме «Вина и стыд в культурах Запада, России и Востока»,
представленную на соискание ученой степени кандидата философских наук
по специальности 09.00.13 – философская антропология,
философия культуры

Актуальность темы диссертационного исследования.

Проблема регулирования поведения человека в обществе всегда входила в функции культуры, в которой формировались соответствующие психологические, нравственные, религиозные и правовые механизмы регулирования. Они становились эффективными в обществе, где имелись те общезначимые ценности и нормы, на которые могли ориентироваться индивиды, а вместе с тем, и сами поддерживать в обществе определенный нравственно-психологический климат и правопорядок. Но сложившиеся в начале XXI века глобальные социокультурные тенденции становятся весьма неблагоприятными для жизнедеятельности индивидов и общества из-за экономических кризисов, финансовой нестабильности, непрерывных войн и политических конфликтов, проявлений международного терроризма, этно-конфессиональных противостояний и актуализирующихся столкновений цивилизаций. Оценивая эти ситуации, выдающийся немецкий философ и

социолог Ульрих Бек справедливо охарактеризовал современное общество как «общество риска».

К сожалению, эта глобальная негативная социокультурная ситуация пока не получила в отечественной философской антропологии и философии культуры должного теоретического осмысления. К числу мало изученных социокультурных феноменов относятся традиционно функционирующие в культурах Запада, России и Востока ценностные механизмы «вины» и «стыда», гуманизирующий потенциал которых ныне весьма актуализирован необходимостью купирования названных негативных тенденций в «обществе риска». Строгое описание этих ценностных механизмов, выяснение их динамики и определяющих факторов их функционирования, исследование их роли и значения в истории цивилизации и в становлении традиций этих культур имеют важное научно-практическое значение, способствуя обогащению концептуального арсенала философской антропологии и философии культуры.

Изучение и практическое использование этих ценностных механизмов в современном российском обществе актуализировано также необходимостью дальнейшего позитивного осуществления Основ государственной культурной политики и Федеральной целевой программы укрепления единства российской нации. В таком научно-практическом ракурсе тему диссертации Ю.Н. Даниловой, несомненно, следует признать актуальной.

Общая характеристика диссертации.

В основе авторской концепции разнообразия культур находится идея различия ценностных регулятивов культур Запада, России и Востока: культура Запада является культурой вины, культура Востока – культурой стыда, культура России – культурой вины и стыда. Ранее подобные идеи высказывались рядом философов и культурологов (в том числе, американским антропологом Рут Бенедикт). Но эти высказывания не опирались на сравнительный анализ цивилизационных типов культур в

комплексе философии, морали и культуры повседневности. На международных форумах признавалась несовместимость культур, либо же поддерживалась идея их синтеза путем создания некоей глобальной макроэтики.

В своей диссертации Ю.Н. Данилова обосновывает тезис о несводимости культур к одному типу, поскольку при наличии общих ценностей каждая из культур обладает своими неповторимыми особенностями и традициями, а также своеобразием менталитета. Однако несводимость культур к одному общему типу не означает их несоизмеримости и не исключает возможности диалога между культурами. В обоснование этого тезиса Ю.Н. Данилова осуществляет необходимый, достаточно концептуально и методологически оснащенный, — **компаративный анализ** цивилизационных типов культур с органически им присущим самобытным комплексом философии, морали и культуры повседневности.

Степень научной разработанности темы. Анализ текста диссертации подтверждает, что Ю.Н. Данилова обладает реальным пониманием состояния научной разработанности исследуемой темы. Она демонстрирует глубокое знание отечественных и зарубежных источников по истории философии, философской антропологии, философии культуры, а также свидетельствует о несомненном профессиональном постижении широкого круга с темой связанных смежных научных проблем в философской антропологии, философии культуры и в культуре повседневности. Пониманию и последующему обеспечению научной разработанности темы способствует многоплановое построение диссертации.

Проблема диссертационного исследования автором сформулирована корректно и «заключается в выяснении вопроса, являются ли вина и стыд универсалиями, общезначимыми для всех культур, или же в культурах их ценностный статус и роль в жизни людей являются различными. Эта проблема может быть выражена в следующих вопросах: Имеется ли различие

в понимании вины и стыда в философской рефлексии Запада, России и Востока? Какое место занимают вина и стыд среди моральных ценностей Запада, России и Востока. Что доминирует (вина или стыд) в обычаях и правилах поведения культуры повседневности Запада, России и Востока?» (с. 8).

Проведение компаративистского исследования места и роли вины и стыда в культурах Запада, России и Востока является главной **целью исследования**. Соответственно, диссертант сформулировала три планомерные **задачи исследования**: 1. Осуществить анализ историко-философских учений о вине и стыде в философии Запада, России и Востока; 2. Проанализировать понимание вины и стыда в этических учениях и коллективной ментальности различных исторических эпох в культурах Запада, России и Востока; 3. Рассмотреть присутствие и роль вины и стыда в культурах повседневности Запада, России и Востока.

Структура диссертации. Исследование включает Введение, две главы, семь параграфов и список из 212 наименований изученной литературы и электронных ресурсов.

Достоверность исследования обеспечена последовательной опорой автора на солидный философско-методологический базис и обширную социокультурную эмпирию. О достоверности исследования свидетельствует обращение диссертанта к наиболее надежным и авторитетным источникам и исследованиям. Достоверность исследования доказывает профессионально оснащенный научный аппарат диссертации, позволяющий осуществить ее верификацию.

Содержательная часть исследования.

В преамбуле к первой главе «Вина и стыд в христианских культурах Запада и России» автор указывает на различия в общественном сознании народов Запада и России. Сравнивая в первых двух параграфах западную и русскую философию, автор подводит к следующим выводам:

– в западной философии вина и стыд преимущественно психологизированы в качестве страсти, аффектов, чувств, эмпатических, бессознательных и экзистенциальных переживаний (§1, с. 16-39); в русской философии (преимущественно в религиозной философии) – эти регулятивы онтологизируются и понимаются в качестве проявлений совести как ценностная основа соборности человеческого духа; как формы признания и вместе с тем преодоления греха; как социальные чувства, укорененные в формах человеческого бытия; как санкции нравственного закона (§2, с. 39-54);

– в западной философии доминирует тема вины, особенно в религиозной философии и экзистенциализме; в русской философии доминирует тема стыда и вины;

– ориентация на вину связана с христианством, признающим первородный грех, а ориентация на стыд – с общинным и коллективистским устройством общественной жизни.

В §3 «Вина и стыд в морали Запада и России» автор, опираясь на различные философские и культурологические источники, рассматривает с помощью исторического метода эволюцию морального сознания (и, соответственно, этических учений) в истории Запада (на примере Европы) и России. Ю.Н. Данилова показывает, что культура античного мира являлась культурой стыда, и только в этике стоиков появляются представления о вине. Угрызения совести в средневековье, хотя и были внутренними нравственно-психологическими механизмами, но поддерживались «страхом позора и боязнью возмездия». В эпоху Реформации появляется личное благочестие, в его основе лежит вина перед Богом, не опосредованная воцерковлением и санкциями церкви. В эпоху Просвещения этические учения вначале представляют собой этический сентиментализм, в котором вина и раскаяние классифицируются как жанр солилоквий, утвердившейся в культуре. Начиная с XIX в., на Западе утверждается мораль утилитаризма с принципом приоритета личной пользы. Наконец, в XX в. возникает этика

постмодернизма, с принципами релятивизма и плюрализма, что приводит к девальвации моральных христианских ценностей, а рост институциональной организации общества низводит мораль с уровня должного на уровень сущего в форме корпоративных этик (с. 55-67). Автор показывает, что на Западе происходит процесс расшатывания личной вины, связанный с утратой религиозности.

Анализируя мораль и нравственность в России, диссертант относит вину и стыд, наряду с грехом, к базовым понятиям русского национального самосознания. Автор считает, что в российском общественном сознании имеет место приоритет нравственного совестного суда над правовым, связь стыда – с потерей чести, а вины – с нарушением справедливости. Моральный кризис в России начала XX в. рассматривается Ю.Н. Даниловой как одна из причин краха имперского государства. Она подвергает критике коммунистическую мораль, реализующую принцип «все дозволено» во имя торжества коммунизма, и констатирует раскол морального сознания в 90-е гг., когда страна стала развиваться по пути капитализма (с. 67-74).

В §4 «Вина и стыд в культуре повседневности Запада и России» использование исторического метода позволяет осуществить сравнение бытия вины и стыда в культуре повседневности Запада и России. Автор показывает, что культура повседневности Запада не развивалась линейно, в сторону возрастания прогресса. Так, гуманизация отношения к старикам, детям, женщинам, инвалидам не раз сменялась ухудшением их положения в обществе. Чувство вины пытались внедрить в сознание людей не только с помощью религии и церкви, но и жестокими методами воспитания, публичными пытками и казнями. Чувство стыда перед другими играло второстепенную роль в силу того, что ценностным кодом в обществе был принцип индивидуализма. В XX – начале XXI вв. в сфере повседневной жизни происходит отказ от христианских ценностей совести и вины и замена их либеральными ценностями толерантности и мультикультурализма.

Результатом этого является упадок религиозной веры и чувства личной вины (с.74-91).

Анализируя культуру повседневности России в ее исторической ретроспективе, автор отмечает ряд ее особенностей, выражающих менталитет народа. Таковыми выступают почитание старших, милосердие к обездоленным, хлебосољство, соблюдение религиозных традиций и обрядов. Автор показывает, что вплоть до октябрьской революции 1917 г. поведение людей детерминировалось ценностными механизмами вины перед Богом и стыдом перед группой (семьей, общиной, артелью, сословием), которые в советский период трансформировались в вину перед властью и партией и стыд перед идеологизированным мнением коллектива (с. 82-90).

В преамбуле ко второй главе «Вина и стыд в буддийско-конфуцианских культурах Востока» характеризуются особенности восточной психологии и дан анализ философии, морали и культуры повседневности Китая и Японии. В первом параграфе «Вина и стыд в китайской и японской философии» рассматривается конфуцианство как наиболее развитая философско-этическая система. Хотя Древний Китай представлял социально-иерархизированное общество, но образование и моральность открывали путь в систему государственного управления. Эти особенности общественной жизни получили, считает автор, отражение в философско-этическом творчестве Конфуция и его последователей Мэн-цзы и Сюнь-цзы, в котором стыд рассматривался как главная добродетель и вместе с ритуалом – как механизм контроля социального поведения людей. Автор показывает, что идеи конфуцианства в соединении с идеями буддизма возродились в XV-XVI вв., а эпоха неоконфуцианства началась на рубеже XIX-XX вв., где представители такового разрабатывали идею глобализации конфуцианских ценностей путем их синтеза с идеями западноевропейской философии. При этом универсальный уровень человеческого существования понимался как соединение внутреннего духовного совершенства и социальной роли (с. 101). Но при этом считалось, что вина и раскаяние, которые был так значимы в

западной философии и морали, не способствуют избавлению человека от греха (с.93-111).

Ю.Н. Данилова, опираясь на источники, считает, что японская философия до XX в. развивалась в русле буддийско-конфуцианской традиции (с. 105), но уже с конца XIX в. традиция вытесняется на периферию гуманитарной мысли в ходе процесса европеизации страны. Подчеркивается, что японские философы проявили наибольший интерес к прагматизму под влиянием осуществляемых в стране экономических реформ в духе капиталистической индустриализации. В академической философии, сосредоточенной в университетах, – имеет место, повышенный интерес к западному экзистенциализму. Прагматизм, с его идеей личного успеха, позволил сохранить стыду как ценностному регулятиву социального поведения, а экзистенциализм, с его идеями пограничных ситуаций и бытия к смерти, соединился с идеями буддизма о жизни как страдании и нирване, представлявшими расплату за желания и удовольствия. Автор обращает внимание и на то, что французский экзистенциализм оказал огромное влияние на современную японскую художественную литературу (с. 103-111).

Реконструируя историю развития механизмов контроля морального поведения (§2 «Вина и стыд в китайской и японской морали»), Ю.Н. Данилова показывает, что в доимперский период в Китае в качестве этих механизмов выступал авторитарный закон. Но в имперский период к XIII-XIV вв. конфуцианские нормы морали, среди которых доминировал стыд, получили широкое распространение. По мнению автора, другим краеугольным камнем китайской морали стала воинская мораль удэ, главным принципом которой являлось следование долгу. Оба эти способа социализации, характерные для Китая как традиционного общества, были сломаны при изменении социально-политического строя в начале XX в. при образовании КНР. Особенно же – в период власти Мао Цзэдуна, где стали господствовать нормы коммунистической морали, требующей подчинения личных интересов интересам революции и коммунистической партии. В

настоящее время в китайском обществе действует моральный кодекс, основу которого составляют нормы конфуцианской морали с приоритетом стыда. С их помощью власть стремится создать противовес морали эгоизма и утилитаризма, проникшей в Китай вместе с экономическими рыночными реформами (с.111-118).

Осуществляя исторический подход к исследованию морали Японии, автор считает, что идеалы и нормы современной японской морали сложились еще в эпоху Эдо (1603-1867 гг.) при переходе от раздробленного феодального общества к единому национальному государству. Автор показывает, что основной чертой японской морали является чувство причастности к группе и стремление к зависимости от нее. Поскольку японская мораль лишена ценностных абсолютов и опирается на религии без Бога (конфуцианство, буддизм, синтоизм), она является ситуационной, релятивистской и контекстуальной. Сердцевину ее составляет долг, понимаемый не как личная ответственность, а как разветвленная система внешних обязанностей, обусловленных выплатой долга различным группам, в которые входит индивид. Идея долга соединяется с идеей достоинства, связанной с буддизмом, которая ориентирует человека на достижение совершенства, и с нормами кодекса чести самураев, с его идеями преданности господину и аскетизма. Эта мораль противостоит западному утилитаризму и во многом обеспечивает знаменитое японское экономическое чудо. В японской культуре человек осознает себя частью общества и социальной группы, и главным регулятивом его социального поведения является стыд не только как внешняя забота о хорошем мнении окружающих, но и как глубокое внутреннее переживание, формирующее понимание «подобающего места» индивида в обществе. Основной моральной характеристикой и культурным образцом является «человек, который знает стыд», т.е. добродетельный человек, «человек чести». Стыд выступает в японской этике аналогом чистой совести и вины в западной этике (с.111-126).

В §3 «Вина и стыд в культуре повседневности Китая и Японии» дается характеристика обычаев, традиций и правил поведения в повседневной жизни Востока, многие из которых восходят к периоду средневековья. Автор свидетельствует, что нормы конфуцианства не ограничиваются сферой морали, а проникают в обыденную жизнь китайцев и японцев, которая является регламентированной и ритуализированной. Эти нормы отличаются от западноевропейских. Таковы в Японии цумадои (посещение мужем жены, которая остается жить в доме родителей); правила этикета с использованием визитных и приветственных карточек; затворничество человека, в доме которого произошли смерть или убийство; культ родителей и предков; самоубийство, совершенное как самонаказание за несоблюдение долга; язык вежливости в общении. В основе всех этих правил образа жизни находится стыд как основной механизм регуляции социального поведения (с. 126-138).

Заключение. Здесь изложены в весьма краткой форме общетеоретические итоги самостоятельного и оригинального диссертационного исследования Ю.Н. Даниловой.

Завершая анализ диссертации Ю.Н. Даниловой, констатируем, что, опираясь на философские, исторические и культурологические источники, ей удалось выявить и проанализировать особенности трех типов культур: Запада (на примере Европы), России и Востока (на примере Китая и Японии), которые выражаются в философии, морали и культуре повседневности.

Доминирование культуры вины на Западе автор обосновывает тем, что: 1) ее основой является религия католицизма и протестантизма, с их признанием Бога как онтологического и ценностного Абсолюта, догматами греха и личного спасения; 2) Запад прошел путь индустриального техногенного развития, детерминирующий принцип индивидуализма в образе жизни и мышлении.

Доминирование культуры стыда на Востоке автор объясняет: 1) ее опорой на религии без Бога; 2) историческими традициями зависимости индивида от группы, ее мнений и оценок.

Характеристика российской культуры как культуры вины и стыда обосновывается существованием: 1) православного христианства, с его идеей соборного спасения и мессианства; 2) общинно-коллективистской организацией общества на протяжении многовековой истории, а также существованием патернализма в отношениях между этатистским государством и народом.

В диссертационных выводах и заключении западная культура квалифицируется автором как «лицо» либеральной цивилизации; восточная культура квалифицируется как «лицо» традиционной цивилизации, экономика которой устроена по типу западного индустриального капитализма с национальной спецификой; российская культура соединяет в себе черты традиционной и либеральной цивилизации.

Как уже выше отмечено, эти авторские обобщения осуществлены методологически основательно и эмпирически достоверно. Они убедительно аргументированы обращениями к философско-культурологическим и историческим источникам. Дополнительно констатируем, что научная новизна диссертации обогащена и тем, что автор сквозь призму понимания вины и стыда как ценностно-психологических регулятивов социального поведения, – сумела представить их сравнительный анализ в культурах Запада, России и Востока, очертив специфику трех базовых типов культуры. Позитивные результаты исследования Ю.Н. Даниловой полезны для внедрения в массовое сознание норм толерантности, укрепления единства российской нации, обогащения практики преподавания социальной философии, философской антропологии, культурологии, этики и религиоведения.

Замечания ведущей организации.

В параграфе «Вина и стыд в морали Запада и России» недостаточно обстоятельно охарактеризован принцип коллективизма в морали России советского периода. Следовало, в частности, указать на коллективистскую

педагогику А.С. Макаренко, которая стала основой образовательной системы в стране.

В параграфе «Вина и стыд в культуре повседневности Запада и России» чрезмерно кратко охарактеризована новейшая ситуация повседневности России, где глубочайшие социокультурные перемены сопровождаются «Ренессансом» религии.

При описании методологического базиса исследования следовало упомянуть работы О. Шпенглера и Н.Я. Данилевского, поскольку именно они обосновали идею разнообразия и самостоятельности культур. В список литературы не вошла ценная монография И.Т. Касавина и С.П. Щавелева. Анализ повседневности. М. КАНОН+. 2004. 432 с.

В диссертации недостаточно развернут тезис о возможностях и путях межкультурного диалога.

Наши замечания не снижают научной ценности и признания, несомненно диссертационного, статуса исследования. Замечания не меняют и убеждения о наличии у Ю.Н. Даниловой качеств профессионала – исследователя сложных проблем философии.

Диссертационное исследование Ю.Н. Даниловой свидетельствует о сложившейся философско-методологической культуре автора, ее умелого обращения к философским первоисточникам, владения разнообразными методами и приемами научного исследования. Работа является самостоятельным исследованием, имеет концептуальный характер, содержит научную новизну. В ней используется широкий эмпирический материал из области истории философии, морали и культуры повседневности. Его репрезентативность подтверждает теоретические выводы автора. Диссертация построена логично и представляет завершенное исследование, свидетельствуя о достаточной эрудиции автора в области философской антропологии, философии культуры и этики. Заявленная автором тема вполне раскрыта в содержании текста и двадцати научных публикациях, в

том числе одной зарубежной. Автореферат и научные публикации автора соответствуют содержанию диссертации.

Диссертация соответствует требованиям ВАК, и ее автор Данилова Юлиана Николаевна заслуживает присуждения степени кандидата философских наук по специальности 09.00.13 – философская антропология, философия культуры (философские науки).

Отзыв составил доктор философских наук, профессор кафедры культурологии и философии Пермского государственного института культуры Писманик Матвей Григорьевич.

Отзыв утвержден на заседании кафедры культурологии и философии ПГИК « 1 » 06 2016г., протокол заседания № 7 .

Заведующий кафедрой
культурологии и философии
ФГБОУ ВО «Пермский государственный институт
культуры», доктор исторических наук,
профессор

О.Л. Лейбович

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Пермский государственный институт культуры»
614000, Пермский край, г. Пермь, ул. Газеты «Звезда», д. 18.
+7(342)212-45-93, 212-17-63. E-mail: rectorat@psiac.ru

Проректор по научной и международной деятельности, кандидат культурологии, доцент
Лисенкова Анастасия Алексеевна
Зав. кафедрой культурологии и философии, доктор исторических наук, профессор
Лейбович Олег Леонидович